

ГРОВЕР ФЕРР

УБИЙСТВО КИРОВА

Смертельная тайна Сталинской эпохи

Москва
издательство
РОДИНА
2025

УДК 94(47+57)“1934/53”
ББК 63.3(2)62
Ф43

Ферр, Гровер.
Ф43 Убийство Кирова. Смертельная тайна Сталинской эпохи / Гровер Ферр ; [перевод с английского О. В. Дьяконова]. — Москва : Родина, 2025. — 512 с.

ISBN 978-5-00222-630-6

Книга посвящена одному из ключевых событий сталинского времени — убийству 1 декабря 1934 года первого секретаря Ленинградского обкома партии С.М. Кирова и реакции на него, вылившейся в массовые репрессии 1937—1938 годов. Историки уверены, что выстрел в Смольном положил начало «большой чистке партии» и «большому террору» — трагическим событиям, организатором которых называют И.В. Сталина.

Автор Гровер Ферр — американский историк, доктор философии и бакалавр искусств, профессор, известный своими бестселлерами по эпохе сталинизма, — исследует документальные материалы, связанные с расследованием обстоятельств убийства С.М. Кирова и последовавшими за ним судебными процессами над участниками троцкистско-зиновьевской оппозиции. Книга построена в форме разбора новейших публикаций, с привлечением материалов в том числе из зарубежных архивов — Библиотеки Конгресса США, Хатонской библиотеки Гарвардского университета и др. Развенчивая ошибки и фальсификации, известный автор анализирует весь спектр политически ангажированных слухов и домыслов, мифов и легенд, связанных с убийством С.М. Кирова.

УДК 94(47+57)“1934/53”
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-00222-630-6

© Ферр Г., 2024
© Дьяконов О. В., перевод на русский язык, 2025
© ООО «Издательство Родина», 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Новая книга американского историка Гровера Ферра, которую вы держите в руках, посвящена одному из непростых моментов советской истории. Прозвучавший 1 декабря 1934 г. в коридоре Смольного выстрел нагана, как и многие другие события сталинского времени, так и не перешёл в разряд абстрактных академических вопросов, интересующих лишь узкий круг специалистов. И это неудивительно. Сегодня отношение к Сталину и его эпохе служит своеобразным оселком, на котором поверяются политические взгляды наших собеседников.

Как справедливо заметил Козьма Прутков, «бывает, что усердие превозмогает и рассудок». Массированная кампания по разоблачению «преступлений сталинизма», начатая Хрущёвым и многократно усилившаяся с приходом к власти Горбачёва, вступила в явное противоречие со здравым смыслом. Считается хорошим тоном рассматривать все приговоры, вынесенные в сталинское время, как заведомо неправомерные, а все обвинения — как абсурдные. По мнению обличителей, в сталинском СССР не было и не могло быть ни шпионов, ни диверсантов, ни заговорщиков, а всех осуждённых следует считать «невинными жертвами незаконных репрессий».

«И вообще в Советском Союзе никогда не было политических заключённых, посаженных за террор, например, или за реальные преступления, — безапелляционно заявил в интервью «Радио России» 26 октября 1998 года известный правозащитник С.А. Ковалёв. — Это были либо жертвы жребия, как это было в сталинские времена, либо узники совести: люди, не нарушавшие закона,

а осуществляющие свои действия совершенно легально, законным способом, но осуждённые властью».

Однако в случае с убийством Кирова налицо реальный террористический акт. Что же делать? Согласиться со «сталинской» версией и тем самым признать, что у пресловутых репрессий зачастую имелись разумные основания? На такое «обличители» пойти не могут. Как справедливо отмечает Гровер Ферр: «Со времени Хрущёва считалось идеологически неприемлемым делать вывод, что Николаев был участником заговора. Ибо если деяние Николаева было, в самом деле, результатом зинovieвцев-подпольщиков, тогда в СССР действительно существовала настоящая подпольная тайная организация или ряд организаций. Вся “антисталинская” парадигма советской политики в 30-е годы подверглась бы серьёзной опасности».

Куда удобней обвинить в случившемся самого Сталина. Дескать, «кремлёвский тиран» расправился с конкурентом. И хотя реальных доказательств этой версии так и не было найдено, она фактически стала канонической как в нашей стране, так и на Западе.

Наступившая в конце 1980-х годов эпоха гласности ввела в оборот огромный массив ранее недоступных документальных источников, выявивших несостоятельность многих антисталинских мифов. «Никто больше всерьёз не верит, что Кирова велел убить Сталин», — констатирует Ферр.

Впрочем, американский историк чересчур оптимистичен. Помимо официальной, есть ещё и «полуофициальная» точка зрения.

Сегодняшняя российская пропаганда продолжает с удовольствием тиражировать весь «джентльменский набор» антисталинских выдумок, сочинённых за десятилетия разоблачений «культы личности».

«Чего хорошего, когда одна треть или почти половина населения сидела в ГУЛАГе?» — патетически заявля-

ет на всю страну лауреат Сталинской премии 1952 года Юрий Любимов¹. И ведь никто из учёных-историков не одёрнул несущего очевидную чушь престарелого режиссёра. Потому что эта чушь прекрасно укладывается в русло официозной идеологической установки на оплёвывание советского периода отечественной истории.

Увы, значительная часть населения бывших советских республик продолжает жить в некоем иллюзорном мире, созданном усилиями нескольких поколений обличителей «сталинизма». В мире, где половина населения СССР сидела в ГУЛАГе, а другая половина её охраняла, где количество расстрелянных исчисляется десятками миллионов, где все репрессии были «незаконными», а их жертвы «невинными». В этом выдуманном мире Киров, несомненно, был убит по приказу Сталина.

То, что этот иллюзорный мир до сих пор существует — во многом «заслуга» отечественной исторической науки. Конечно, позорные времена перестроечных «разоблачений», когда напрочь позабывшие о научной этике и профессиональной добросовестности доктора исторических наук с энтузиазмом пропагандировали самые оголтелые перлы антисталинской пропаганды, канули в Лету. Сегодня уважаемые российские историки, как правило, стараются дистанцироваться от наиболее одиозных выдумок. Согласно принятой в настоящее время официальной версии убийство Кирова совершил одиночка, действовавший по личным мотивам: «С хрущёвской эпохи, и особенно с более позднего горбачёвского периода, официальная точка зрения на убийство Кирова заключается в том, что убийца, Леонид Николаев, был “убийцей-одиночкой”».

Однако так ли это на самом деле?

Задача, которую взвалил на себя автор книги, трудна и неблагодарна. Как доказать наличие заговора? Его участники вряд ли оставили после себя документальные улики.

Как справедливо заметил известный историк Юрий Жуков, автор ряда книг по сталинскому времени:

*«И для этого следует решить вопрос о том, быва-
ют ли вообще в подобных случаях улики. Могли ли они
быть получены при расследовании “Кремлёвского дела”,
и если могли, то какие. Планы ареста членов узкого ру-
ководства, список будущего Политбюро и правитель-
ства, что-либо подобное? Или списки заговорщиков, да
ещё заверенные их подписями? А может, заготовленные
предусмотрительно декларации, декреты, указы для
оглашения сразу же после захвата власти? Вряд ли, ибо
любой нормальный заговорщик, готовящий к тому же
государственный переворот, сделает всё возможное,
дабы избежать существования такого рода улик.*

*Столь же напрасным было бы надеяться найти при
обысках у участников заговора, скажем, план Кремля, на
котором были бы отмечены квартиры и кабинеты Ста-
лина, Молотова, других, маршруты их обычных прогулок.
Этого заговорщикам — если они были таковыми, также
не требовалось. И Петерсон, и Енукидзе, жившие и рабо-
тавшие в Кремле, всё это давно знали.*

*Нельзя было ожидать находок улик и любого иного
рода, но обязательно отражавших, раскрывавших пре-
ступные замыслы.*

*Если заговорщики не страдают слабоумием, они ни-
когда не доверят бумаге свои планы. Всё, абсолютно всё
будут держать только в голове»².*

Воистину прав был римский император Домициан, саркастически заявивший: «Правителям живётся хуже всего: когда они обнаруживают заговоры, им не верят, куда их не убьют».

Как и положено добросовестному учёному, Ферр на-
чинает свою работу с анализа трудов предшественников.
В первую очередь, это книги А.А. Кирилиной «Неизвест-
ный Киров» и Мэтью Лено «Убийство Кирова и Совет-
ская история». Увы, выясняется, что эти исследователи

во многом пристрастны, игнорируют «неудобные» факты. Впрочем, ничего удивительного здесь нет. Как справедливо заметил известный исследователь статистики репрессий В.Н. Земсков: «Я не верю в существование так называемой “чистой науки”, и учёные (особенно те, кто занимался проблемой репрессий в СССР), находясь в определённых общественных условиях, не могут не выполнять социальный заказ, требующийся в данный момент обществу (хотя сами исследователи, возможно, не всегда ясно это осознают)»³.

В своей книге Гровер Ферр подробно анализирует допросы поделщиков Николаева, сопоставляет их с показаниями ряда арестованных зиновьевцев, с материалами Московских процессов 1936—38 гг., привлекает малодоступные российскому читателю источники: вывезенный в США архив Волкогонова, хранящиеся в библиотеке Гарвардского университета письма Троцкого, изданные на Западе и не переведившиеся на русский язык книги и статьи.

По мнению автора, Николаев не был убийцей-одиночкой и действовал как участник подпольной террористической организации. Насколько убедителен этот вывод? Давайте возьмём Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 ноября 1990 г.⁴, реабилитирующее поделщиков Николаева, и проанализируем аргументы горбачёвских судей, опираясь на книгу Ферра.

«Так, на первых допросах Николаев категорически отрицал участие каких-либо иных, кроме него, лиц как в подготовке, так и в совершении убийства Кирова. При этом Николаев пояснял, что убийство он подготовил один и в свои намерения никого не посвящал».

Ничего удивительного, совершенно естественное поведение. «Действительно, если он на самом деле был членом заговора, мы могли бы ожидать, что он будет от-

рицать это. Первое правило заговорщической организации — не сообщать властям об остальных членах».

«Объясняя мотивы содеянного, Николаев показывал, что совершённый им террористический акт был вызван его тяжёлым моральным и материальным положением, наступившим в результате необоснованного привлечения к партийной ответственности и увольнения с работы».

Однако согласно показаниям Марии Тихоновны Николаевой, матери убийцы Кирова:

«В материальном положении семья моего сына Леонида Николаева не испытывала никаких затруднений. Они занимали отдельную квартиру из трёх комнат в кооперативном доме, полученную в порядке выплаты кооперативного пая. Дети были также полностью обеспечены всем необходимым, включая молоко, масло, яйца, одежду и обувь. Последние 3—4 месяца Леонид был безработным, что несколько ухудшило обеспеченность его семьи, однако даже тогда они не испытывали особой нужды».

«Об отсутствии подобной группы или организации подтвердил один из руководителей органа предварительного расследования по делу об убийстве С.М. Кирова Люшков Г.С., который бежал из СССР и 3 июля 1938 г. в японской газете “Иомиури” писал: “Все эти мнимые заговоры никогда не существовали и все они преднамеренно сфабрикованы. Николаев безусловно не принадлежал к группе Зиновьева. Он был ненормальный человек, страдавший манией величия. Он решил погибнуть, чтобы стать историческим героем. Это явствует из его дневников”».

Здесь Ферр ссылается на опубликованные в 1998 г. две статьи западного исследователя Элвина Кукса: «Куксу удалось найти бумаги Люшкова, уже давно счи-

тавшие пропавшими. Особенно важно, что он смог взять исчерпывающие интервью у японских военных, которые курировали Люшкова, работали с ним и проводили с ним много времени. Он также изучил сохранившееся донесение о Люшкове, сделанное советским разведчиком Рихардом Зорге». Оказалось, что публичные выступления Люшкова разительным образом отличаются от того, что он сообщил японским спецслужбам приватно. Оно и неудивительно. Желая услужить новым хозяевам, беглый чекист был готов озвучить всё, что нужно официальной японской пропаганде. Однако публично отрицая наличие в СССР военного заговора, в показаниях, данных японской разведке, он говорит прямо противоположное: «Люшков назвал имена около 20 руководителей, в основном НКВД, и десяти пограничников, все из которых, уверял он, были участниками заговоров». Таким образом, ссылка на публикацию в японской газете не может служить убедительным доводом в деле об убийстве Кирова.

«Бывший сотрудник УНКВД по Ленинградской области Макаров Н.И., занимавшийся с 1929 г. обработкой агентурной информации о троцкистах и зиновьевцах, в 1956 и 1961 гг. показал: “Я с полной ответственностью заявляю, что по учётным данным УНКВД на зиновьевцев и троцкистов Николаев не значился и не был известен как лицо, имевшее какую-либо связь с Румянцевым, Котолыновым и другими”».

Как показывает Ферр, показания Макарова недостоверны. Более того, 27 января 1956 г. КГБ уничтожил основные записи по делу «Свояки» — всесоюзной операции по надзору за зиновьевцами.

«Левин, Котолынов, Румянцев, Мандельштам, Мясников, Сосицкий и Шатский на предварительном

следствии и в суде виновными себя не признали и показали, что в 1927—1928 гг. принадлежали к троцкистско-зиновьевской оппозиции, за что были исключены из членов ВКП(б). В последующем они отошли от оппозиции и все, за исключением Шатского, были восстановлены в партии. Указанные осуждённые на допросах категорически отрицали свою принадлежность к так называемому “Ленинградскому центру” и причастность к разработке плана и организации убийства Кирова. Каких-либо связей с Николаевым они не поддерживали, и о его намерении совершить террористический акт им не было известно.

Юскин, Соколов, Звездов, Ханик, Антонов и Толмазов на допросах, а также на очных ставках с Николаевым заявляли, что о готовящемся Николаевым убийстве Кирова они не знали и к совершению этого преступления не причастны».

Большая часть материалов по делу об убийстве Кирова до сих пор недоступна для исследователей. Тем не менее уже то, что мы знаем, говорит о ложности данных утверждений. Так, Котолынов на допросе 19 декабря, отрицая связь с Николаевым, тем не менее заявил:

«Вместе с тем я признаю, что состоял в организации и был одним из руководителей Ленинградской группы. Я поддерживал связь с Румянцевым и Толмазовым; со мною встречались Звездов, Антонов. Я подтверждаю, что и в прошлом я был одним из руководителей оппозиции и теперь вокруг меня объединялись бывшие участники этой оппозиции. [...]»

Я признаю, что наша организация несёт политическую и моральную ответственность за выстрел Николаева. Нами создавались такие настроения, которые объективно должны были привести к террору в отношении руководителей партии и правительства. Как активный член этой организации я и лично несу за это ответственность. [...]»

Уточняю, что мы создавали такие настроения, которые могли объективно привести к террору. Я лично, как член этой организации и один из её руководителей, также несу частично за это ответственность»⁵.

А вот очная ставка Юскина с Николаевым 19 декабря 1934 г:

«Вопрос Юскину: Вы предлагали Николаеву организовать террористическое покушение на товарища Сталина и согласились быть участником подготовки такого акта?

Ответ: Да, в беседе с Николаевым я сказал ему, что убить Кирова было необходимо, чтобы убить Сталина.

Вопрос Николаеву: Вы подтверждаете показания Юскина?

Ответ: Да, я подтверждаю их. Я хочу добавить, что в этой беседе Юскин также говорил со мной о поездке в Москву с целью подготовки теракта в отношении Сталина».

«Обвинение Котолынова и Николаева в установлении и поддержании связей с консулом Латвии в г. Ленинграде Бисениексом и получении от него 5000 рублей на нужды контрреволюционной организации также не подтверждается материалами дела».

Здесь Ферр цитирует книгу Мэтью Лено, автор которой придерживается версии, будто Николаев был убийцей-одиночкой, но тем не менее сообщает о наличии свидетельств, что латвийский консул Бисениекс действительно давал деньги Николаеву.

«Бывший работник НКВД Кацафа А.И. на допросах в 1956 г. и 1960 г. показал, что по распоряжению следователя Агранова он находился вместе с Николаевым в камере и охранял его, а также присутствовал при исполнении приговора. Николаев рассказывал ему, что убийство Кирова он совершил по личным мотивам. Следователи Дмитриев и Агранов обещали ему сохранить жизнь, если он будет давать показания

о контрреволюционном заговоре. После суда Николаев кричал, что он оклеветал своих товарищей, что ему обещали сохранить жизнь, но обманули. Перед исполнением приговора в отношении Котолынова Агранов и Вышинский требовали от него рассказать “правду”, на что Котолынов ответил: “Весь этот процесс — чепуха. Людей расстреляли, сейчас расстреляют и меня. Но все мы, за исключением Николаева, ни в чём не виновны. Это сущая правда”».

Выясняется, что это тот самый Кацафа, который утром 4 декабря сообщил в рапорте, что во сне Николаев якобы произнёс: «Если арестуют Котолынова, беспокоиться не надо, он человек волевой, а вот если арестуют Шатского — это мелюзга, он всё выдаст»⁶. Если рапорт Кацафы правдив, это непреложное доказательство существования подпольной террористической организации. Если же Кацафа солгал, с тем же успехом он мог лгать и во времена Хрущёва, давая «нужные» показания.

Таким образом, горбачёвская «реабилитация» осуждённых по делу об убийстве Кирова, мягко говоря, неубедительна. Судя по всему, подпольная зиновьевская организация в Ленинграде действительно существовала. С другой стороны, позиция сталинского правосудия тоже не выглядит безупречной — во время следствия и суда многие из подельников Николаева отрицали свою вину. Необходимы дальнейшие исследования, ввод в оборот новых источников. И то, что материалы дела остаются до сих пор засекреченными, наводит на серьёзные подозрения, что нынешние российские власти боятся предать их гласности, дабы не разрушить ещё один антисталинский миф.

Книгу Гровера Ферра вряд ли можно отнести к категории «лёгкого чтения». Говоря словами автора, она предназначена «для тех читателей, которые ищут критического разбора и анализа».

Игорь Пыхалов

ВВЕДЕНИЕ

Основные факты никогда серьезно не оспаривались.

Около 4:30 дня 1 декабря 1934 г. Сергей Миронович Киров, Первый секретарь партии большевиков в Ленинграде, вошел в Смольный институт, штаб-квартиру большевистской партии. Киров поднялся по лестнице и пошел по коридору третьего этажа к своему кабинету. Леонид Васильевич Николаев, безработный член партии, стоял в коридоре. Николаев позволил Кирову пройти мимо, а затем бросился к нему сзади, выхватил пистолет и выстрелил Кирову в затылок. Потом Николаев выстрелил себе в голову, но промахнулся и упал без сознания на пол в двух-трех шагах от трупа Кирова.

Николаева схватили на месте. Его допросы начались либо поздно ночью в тот же день, или на следующий день. Сначала Николаев заявил, что он убил Кирова по собственной инициативе и в одиночку, без соучастников, чтобы привлечь внимание к тому, что он считал несправедливым отношением к себе. Спустя два-три дня он начал намекать, что были замешаны и другие. До конца недели Николаев признался, что он был частью заговора подпольной группы членов партии, которые были настроены против Иосифа Сталина и поддерживали Григория Зиновьева, Первого секретаря Ленинграда до Кирова.

Следователи НКВД обратили теперь внимание на эту группу. Допросы тех, кого назвал Николаев, а потом лиц, которые были названы этими людьми, привели к ряду частичных и нескольким полным признаниям. Через три недели после убийства четырнадцать человек были обвинены в заговоре с целью убийства Ки-

Смольный вскоре после убийства

рова. 28—29 декабря их судили, признали виновными и немедленно казнили. Тем временем брат Николаева Петр и жена Николаева Мильда Драуле делали все больше и больше признаний, в которых обвиняли себя, и в марте 1935 г. Драуле судили, осудили и казнили.

***

Еще большее значение убийства Кирова раскрылось лишь постепенно на протяжении последующих трех лет. Нити, которые связывали заговорщиков, покушавшихся на Кирова, с Зиновьевым и Каменевым, отслезненные до конца следователями НКВД, привели к трем московским «Показательным судебным процессам» 1936, 1937 и 1938 гг. и к процессу военачальников, известным как «Дело Тухачевского» в 1937 г. Этот последний привел, в свою очередь, к «Ежовщине», также известной как «Большой террор» 1937—1938 гг., в тече-

ние которого арестовали и лишили свободы или казнили несколько сотен тысяч советских граждан, большей частью, скорее всего, невиновных.

5 марта 1953 г. Иосиф Сталин умер. За несколько месяцев Никита Хрущев стал самым влиятельным лидером Советского Союза. Через год или около того после смерти Сталина Хрущев начал организацию кампании критики, направленной против Сталина. Большая часть этих усилий должна была объявить, что Сталин сфабриковал фальшивые дела против всех обвиняемых на Московских процессах и в деле Тухачевского.

Хрущев намекнул на это в своем знаменитом «Закрытом докладе» 25 февраля 1956 г. в конце XX съезда партии. В этой же речи он подверг сомнению официальную версию убийства Кирова. Внутри партийного руководства Хрущев и его люди способствовали «реабилитации» огромного количества людей, казненных в 30-е годы, включая некоторых обвиняемых на Московских процессах. Хрущев и его люди очень старались найти любые свидетельства, какие только могли, чтобы доказать, что за убийством Кирова стоял Сталин. В конце концов им это не удалось, и они удовлетворились версией, по которой Николаев действовал в одиночку.

Версия, что Сталин приказал убить Кирова, продолжала распространяться, и в нее поверили многие как внутри, так и за пределами Советского Союза. За пределами России версия «это сделал Сталин» продолжала существовать некоторое время благодаря двум книгам (написанным по-английски) хорошо известных историков: Роберта Конквеста, написавшего «Сталин и убийство Кирова» в 1989 г., и Эйми Найт, автора «Кто убил Кирова?» (1997). Но эти труды опираются главным образом на слухи и сплетни. Во время горбачевского периода высокопоставленными партийными чиновниками была сделана еще одна попытка протолкнуть теорию, что Сталин убил Кирова. Эта попытка также не увенча-

лась успехом из-за совершеннейшего отсутствия свидетельств в ее поддержку. С 1990 г. официально принятой точкой зрения как внутри России, так и большей частью за пределами ее является то, что Николаев действовал один и что Сталин «воспользовался» убийством Кирова, чтобы обвинить бывших или мнимых противников, вынудив их признаться в преступлениях, которые они никогда не совершали, и казнив их и в конечном счете ещё многие тысячи.

В 1993 г. вышла книга Аллы Кирилиной «Рикошет». Это исследование содержит ссылки на скромное количество первоисточников и даже воспроизводит некоторые из них. Кирилина была долгое время руководителем музея Кирова в Ленинграде, на официальной правительственной должности, которая дала ей огромные знания о Кирове, его жизни и его смерти. В 2001 г. эта книга была переиздана как третья часть гораздо более обширного исследования Кирилиной «Неизвестный Киров».

Осенью 2010 г. американский историк Мэтью Лено опубликовал книгу «Убийство Кирова и Советская история», гигантский 800-страничный труд в рамках престижной серии издательства «Йель Университи Пресс» «Анналы коммунизма». Хотя Лено признает, что обязан труду Кирилиной, его книга гораздо больше, с гораздо большим количеством ссылок на первоисточники. Книга Лено даже больше, чем книга Кирилиной (которая по своей сущности содержит много отступлений от темы) основана на фактах или кажется таковой. Она содержит переводы (полные или частичные) 127 документов, многие из них — первоисточники для расследования убийства Кирова.

Проблема. Книги и Кирилиной, и Лено содержат свидетельства — тексты многих исходных документов и ссылок на еще другие. Оба исследователя приходят

к одному и тому же выводу: что убийца Кирова Николаев был «убийцей-одиночкой» и что всех остальных, обвиненных в соучастии в убийстве, «подставили», ложно обвинили, вынудили дать ложные признания, в которых они возлагают вину на себя.

Если бы книга Кирилиной или более свежий и более подробный труд Лено разрешили дело об убийстве Кирова, настоящее исследование, вероятно, было бы ненужным. Однако любой внимательный читатель тотчас заметит, что ни Кирилина, ни Лено совершенно не доказывают этот вывод. Хотя они цитируют большое количество первоисточников, лишь два из них так или иначе подтверждают гипотезу, что Николаев был «убийцей-одиночкой». Существуют серьезные проблемы (неувязки) с обоими документами. Все остальные документы-первоисточники подтверждают первоначальный вывод, к которому пришли в то время НКВД, обвинение и суды: что Николаев был членом подпольного зиновьевского террористического заговора, связанного с другими подобными заговорщическими группами.

Наша цель в настоящей книге — разрешить дело об убийстве Кирова: объективно пересмотреть все данные с должным скептицизмом и без каких-либо предвзятых выводов. Главный вывод нашего исследования в том, что Николаев вовсе не был «убийцей-одиночкой»; что Кирова убила подпольная зиновьевская организация заговорщиков, членом которой и был Николаев.

Единственный разумный способ приблизиться к убийству Кирова — это начать с исследований Кирилиной и Лено. Эти две книги определяют нынешнее состояние исследований по этому вопросу. Каждая содержит много ценных фактических материалов, которые должен полностью учесть любой будущий исследователь. Мы изучаем каждый из этих трудов подробно — труд Кирилиной в одной главе, а более обширный и более претенциозный труд Лено в нескольких главах.

Мы критически анализируем самые значительные упущения в каждой книге.

Мы приходим к выводу, что оба автора начали с предвзятой мысли, которая также является сегодня официальной позицией правительства России, как это было при предшествовавшем ему режиме Горбачева: что был виноват один Николаев, а всех остальных «подставили». Однако этому выводу противоречат все факты, как показывает изучение этих данных. Мы рассматриваем и раскрываем ошибки, которые допускают Кирилина и Лено, их ошибочные рассуждения и неправильное толкование первоисточников, которые приводят их к неверному выводу.

Мы также обращаемся к большому количеству фактов, которые относятся непосредственно к делу Кирова, но которые не используют ни Кирилина, ни Лено. Возможно, не случайно, что все эти факты подтверждают гипотезу, что Николаев действительно был частью зиновьевского заговора — то есть вывод, к которому пришли советское обвинение и правосудие в 1930-е годы.

Мы не пытаемся объяснить тот факт, что Кирилина и Лено делают множество ошибочных предположений, ошибок в рассуждениях и аргументации и опускают в своих размышлениях важные данные. Трудно представить себе, что эти ученые допустили столько вопиющих ошибок, не заметив их — то есть трудно поверить, что некоторые из них не были сделаны намеренно, чтобы попытаться «притянуть за уши» свои выводы к прокрустову ложу предвзятого «официального» вывода, что виновен был лишь Николаев.

Однако легко недооценить влияние твердо устоявшейся, привилегированной, пристрастной системы анализа на умы ученых. Поистине велико и давление, как психологическое, так и академическое, оказываемое с целью получения вывода, приемлемого для ведущих фигур в области советской истории, а также для чи-

новников в России, которые контролируют доступ к архивам. Поэтому затруднения в профессиональном (или каком-либо другом) плане при получении вывода, который как бы хорошо не был продемонстрирован, будет неприятен для влиятельных сил в архивных, политических и академических кругах, понятны для любого, кто знаком с высокой политизированностью советской — и более того — всей коммунистической истории.

Мы уделяем очень большое внимание анализу и детализации недостатков исследований Кирилиной и Лено. Мы посвящаем особое внимание ключевым деталям аргументов Кирилиной и Лено — «первому признанию» Николаева и, в случае Лено, статье Генриха Люшкова в японском журнале «Кайдзо» 1939 г. Это необходимо, чтобы «подготовить почву» — установить, что эти наиболее авторитетные труды по этому делу не смогли разрешить вопрос об убийстве Кирова. Наша задача подобна задаче архитектора, который, когда его позвали произвести инспекцию строения, обнаруживает, что его конструкция до самого фундамента настолько полна изъянов, что все здание нужно разрушить до основания и возвести на его месте качественное строение. Как только мы установили, что исследования и Кирилиной, и Лено некомпетентны, и что любое объективное расследование убийства Кирова нужно начать снова с самого начала, мы приступаем к этой задаче.

Проблема, которая встает перед каждым, кого интересует убийство Кирова, заключается в том, что Российское правительство продолжает держать под грифом «совершенно секретно» большую часть материалов следствия по убийству Кирова, а также последующих и связанных с ним следствий по Кремлевскому делу, по трем московским «показательным процессам» и по делу Тухачевского.

В России существует предписанное законом 75-летнее ограничение на истечение срока (секретности) в от-

ношении документов, которые должны быть рассекречены и преданы огласке. Многие документы 1930-х годов действительно стали достоянием гласности. Однако большинство следственных материалов, связанных со всеми этими предполагаемыми заговорами, все еще остаются под грифом «совершенно секретно» и недоступны даже доверенным ученым. Тем не менее столько первоисточников было опубликовано за последние 20 лет, что мы утверждаем: у нас есть достаточно данных, чтобы окончательно разрешить дело об убийстве Кирова.

Результаты. В полезном обсуждении хрущевской кампании по «реабилитации» тех, кто был осужден за соучастие в убийстве Кирова, Лено правильно располагает дело Кирова в основании процессов 1930-х годов по делу заговорщиков в Советском Союзе.

Если официальные обвинения в первых двух процессах — что бывшие сторонники Зиновьева устроили заговор, чтобы убить Кирова — были полностью фиктивны, то официальные обвинения во всех последующих показательных процессах разваливаются... Но если была какая-то доля правды в обвинении, что зиновьевцы устроили заговор с целью убийства Кирова, то это сохраняло возможность доказательства того, что более поздние обвинения были также обоснованы, по крайней мере, частично (Л 591—592).

Лено правильно понимает последствия дела Кирова. Хрущев стремился разоблачить на тот момент каноническую версию советской истории в 1930-е годы и создать иную версию, новую от начала до конца, по которой Сталин был преступником, который оклеветал и казнил огромное количество невинных членов партии. Чтобы создать эту новую историю, ему пришлось начать с того, чтобы полностью переписать дело Кирова.